

Бизнес на старости

Государственные дома престарелых в России выживают, зато частные зарабатывают все активнее

Фото: Shutterstock

Уход за стариками в России перестает быть уделом социальных служб и благотворителей, превращаясь во вполне успешный бизнес. Во всяком случае, число частных домов престарелых в России последнее время растет ударными темпами — по разным оценкам, на 20-30% ежегодно, а число государственных, наоборот, сокращается.

Правда, сколько всего в стране таких заведений, сказать никто не может — учитывая российскую специфику организации и учета в этой области, даже государственные подсчитать сложно. Подавляющее же большинство частных не встают на официальный учет.

Но в любом случае, как отмечают специалисты, спрос на услуги таких заведений растет и по мере старения населения будет все увеличиваться. Только на устройство в государственные дома престарелых очередь сейчас в России составляет десятки тысяч человек, а вообще, по экспертным оценкам, в стационарном уходе нуждаются более полумиллиона пожилых людей. Беда в том, что подавляющее большинство таких учреждений в России вне зависимости от форм собственности категорически не соответствует даже самым элементарным нормам социальных и медицинских услуг.

Делись пенсией и живи

В сентябре Минздрав сообщил, что средняя продолжительность жизни россиян достигла 72,5

года, что является историческим рекордом. Однако у подобных достижений есть и обратная сторона – рост числа стариков и, соответственно, расходов на пенсии для них и уход. По данным Росстата, сейчас в стране насчитывается почти 36,7 млн пенсионеров, которые составляют 25% всего населения. Большинство (96,6%), по данным опроса 2015 года, никак не обслуживается органами социального обслуживания, а из тех, кто получает помощь, принимают ее на дому 74,7%. При этом стационарного обслуживания в вариантах ответов у Росстата нет. Тем не менее такие учреждения у государства есть в каждом регионе.

По данным того же Росстата, в 2016 году в России насчитывалось 1 277 домов престарелых разного типа (официально они могут именоваться по-разному) на почти 257 тыс. мест. Причем в последнее время общее их число уменьшалось, тогда как число мест в них увеличивается, судя по всему, за счет оптимизации, проводимой властями в социальной сфере. Еще около 20 тысяч человек, по оценкам специалистов, сейчас числятся в очереди на места в стационарных учреждениях.

Впрочем, эксперты отмечают, что цифры эти весьма условны и на самом деле посчитать, сколько в России государственных домов престарелых, невозможно. «Государственное учреждение, где живут бабушки и дедушки до самой смерти, может называться домом престарелых, геронтологическим центром, пансионатом, стационарным отделением комплексного центра социального обслуживания населения (КЦСОН), – объяснила координатор проектов благотворительного фонда «Старость в радость» Александра Кузьмичева. – Также геронтологические отделения существуют в структуре психоневрологических интернатов. Нигде в мире, не считая стран СНГ, бабушку с начальной стадией деменции в ПНИ не определяют, только у нас». И это только структуры социальной защиты. По ее словам, сотни и тысячи пожилых людей живут в ведении Минздрава – это отделения сестринского ухода при больницах, «паллиативные отделения». «По замыслу это хосписы, где есть лицензия на наркотические обезболивающие и врач, который умеет их применять, – пояснила она. – Но по факту до придания этим отделениям статуса паллиативных там тоже жили бабушки и дедушки, девать их было некуда, они там и живут».

В итоге никто точно не знает, сколько же домов престарелых (не по названию, а по сути) в России. К примеру, фонд «Старость в радость» помогает интернатам в Тверской области уже 10 лет, но до сих пор к ним периодически обращаются ранее неизвестные учреждения, которые чаще всего имеют статус отделений КЦСОН. «Теоретически там пожилые люди могут жить шесть месяцев, практически обычно живут до смерти», – сказала Кузьмичева. За годы работы фонда в Тверской области было закрыто около десятка небольших домов престарелых – либо из-за пожарной небезопасности зданий, либо из-за оптимизации бюджета.

Государственные дома престарелых, как правило, берут со своих постояльцев до 75% пенсии. «Эти перечисления осуществляет Пенсионный фонд РФ, – пояснил управляющий группой компаний Senior Group Алексей Сиднев. – Все расходы свыше этой суммы финансируются из бюджета».

За такую цену пожилым людям предоставляются жилье, еда, белье, одежда и уход. Однако расчеты в государственных учреждениях не столь просты, как могло бы показаться. «Во-первых, раньше 75% высчитывали только из базовой пенсии, а если человек инвалид

или ветеран ВОВ, то та часть пенсии, которая за это начисляется, не уменьшалась», – рассказала Кузьмичева. Ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) у инвалида может достигать 3300 рублей, а у чернобыльца – 470 рублей. При таком порядке ветеран ВОВ или инвалид получал на руки гораздо больше средств, чем остальные. «Более года назад в разных регионах с разной интенсивностью стали переходить к отчислению также 75% и от ЕДВ, – пояснила она. – То есть инвалид или ветеран ВОВ платит 25 тыс., а бездомный асоциальный человек – 5 тыс., и у того, и у другого это 75% пенсии, а услуги у них примерно одинаковые».

Во-вторых, бесплатно лекарства предоставляются только самые базовые. «Дом престарелых – учреждение именно социальное, а не медицинское, – отметила Кузьмичева. – То есть там может быть врач в штате, он может назначать лекарства, а вот покупать их бабушки и дедушки должны уже сами из 25% пенсии. Они экономят на себе, поэтому мы часто по запросу из домов престарелых покупаем медикаменты как благотворительный фонд».

Третья проблема заключается в том, что ужин в доме престарелых заканчивается в 5–6 часов вечера, а завтрак начинается в 8 утра. «Между этими часами даже кипятка многим негде взять, – рассказала координатор фонда «Старость в радость». – Поэтому тем, кому не на что купить себе что-то вдобавок к меню, довольно голодно».

Кроме того, лежащим старикам зачастую приходится покупать за свой счет даже подгузники, если не оформлена инвалидность или в индивидуальной программе реабилитации не указана такая потребность. А инвалидность не оформлена у многих, отметила Кузьмичева, так как в интернатах этим просто некому и некогда заниматься. Поэтому две трети нуждающихся в подгузниках остаются без них. С другой стороны, на одну нянечку в доме престарелых может приходиться по 30 и даже 50 лежащих стариков. Поэтому в подгузниках зачастую лежат даже те, кто мог бы пользоваться креслом-туалетом или судном при поддержке со стороны персонала. «Ведь подгузники, по замыслу, для тех, у кого недержание, а не для всех, кто не может дойти до туалета, – пояснила Кузьмичева. – Так пациент сразу переходит в более беспомощное состояние, чем обусловлено его здоровьем».

При этом в государственных учреждениях есть и платные отделения. По словам Сиднева, стоимость размещения в них сопоставима с ценами частных компаний. Кузьмичева считает, что там все-таки намного дешевле. Однако условия размещения если и лучше, то ненамного.

Дешевые игроки

С учетом частных домов престарелых ситуация еще хуже. По данным исследовательской компании «Текарт», в 2015 году в России официально насчитывалось 273 таких учреждения, которые могли принять 7,8 тыс. человек. Значительная их часть располагается в московском и ленинградском регионах, а также в Свердловской области. «Первый частный дом престарелых появился в 2005 году. С тех пор наблюдается активный рост: в 2011 году их было 47, в 2012 году – 74, в 2013 году – 134, в 2014 году – 203», – рассказала руководитель исследовательской компании «Текарт» Евгения Пармухина. По данным НП «Мир старшего поколения», на конец 2017 года только в Москве и области около 10 тыс. мест, которые приходится на частных игроков рынка. Из этого числа к сегменту «премиум» относится около 200 мест, к сегменту «бизнес» – 300, «комфорт» – 2000, «эконом» – 7,5 тыс.

Однако эта статистика касается только официально зарегистрированных домов престарелых. «Частные заведения не лицензируются и в реестр поставщиков социальных услуг входят в добровольном порядке, поэтому их невозможно посчитать», – отметила Кузьмичева. По оценкам Сиднева, такие дома престарелых занимают примерно 75% частного рынка.

Последнее время они все чаще попадают в различные скандалы. Так, в октябре этого года произошел пожар в доме престарелых в Иркутске, организованном Фондом паллиативной помощи имени Святой Милицы. К счастью, никто не погиб, но девять стариков были госпитализированы. Следствие сразу заявило, что учреждение работало незаконно. Но даже с формальной точки зрения это явное преувеличение, а учитывая положение дел в государственных домах престарелых, такие случаи никого не пугают.

«Частные заведения пользуются спросом из-за низкой цены, – пояснил Сиднев. – Государственного регулирования в этой сфере пока не существует (за исключением тех организаций, которые добровольно вошли в реестр поставщиков социальных услуг), поэтому нет единых требований к помещениям, штатным расписаниям, квалификации персонала и используемым протоколам. Достаточно зарегистрировать свой вид деятельности как оказание социальных услуг с предоставлением проживания. Для такой деятельности лицензия не нужна, при этом проверяют их только в том случае, если поступила жалоба».

Дорогое удовольствие

По данным компании «Текарт» на 2015 год, средняя цена проживания в домах престарелых варьируется от 900 до 5 тыс. рублей в день. Порядка 70% российских коммерческих домов работают в диапазоне 1–2 тыс. рублей, около 19% – в ценовой группе до одной тысячи рублей, 7% – от 2 до 3 тыс. за день. Ценник свыше 3 тысяч рублей говорит о том, что данный дом престарелых считается элитным, на рынке их всего 4%. При этом в Москве и Санкт-Петербурге есть несколько частных домов, которые берут более 15–20 тыс. рублей за сутки пребывания.

«За услуги частных стационаров наши соотечественники, согласно опросам, готовы платить в среднем 20 922 рубля ежемесячно, – рассказал директор по исследованиям цифровой экономики Аналитического центра НАФИ Кирилл Смирнов. – Несколько больше готовы платить жители столиц (28 125 рублей), а также респонденты, которые оценивают материальное положение своей семьи как хорошее (26 400 рублей)».

Однако, по словам Сиднева, проблема в том, что услуги качественного гериатрического центра не могут стоить ниже 60 тыс. рублей в месяц: «Есть компании, которые предлагают уход за пожилыми людьми за 30–40 тыс. в месяц. Но нужно понимать, что только себестоимость проживания в пансионе для пожилых составляет 1 500 рублей в сутки на человека (примерно 45 тыс. рублей в месяц), а если следовать международным стандартам – 2500 рублей (около 75 тыс. рублей в месяц). Поэтому проживание может стоить дешевле 60 тыс. рублей в месяц только за счет значительного сокращения каких-то статей расходов в ущерб качеству».

Одинокий пожилой старик, не имеющий таких средств, может заключить с пансионатом контракт, «расплатившись» своей квартирой: ему – пожизненный уход и размещение,

гериатрическому центру – недвижимостью после его смерти. Но опять-таки качественные дома престарелых, как правило, на такие сделки не идут. «Уважающая себя компания никогда не будет брать в оплату квартиру, – говорит Сиднев. – Во-первых, пожилой человек может передумать и захотеть вернуться домой. Во-вторых, возникает конфликт интересов: учреждению захочется взять квартиру в оплату, даже если учреждение не совсем подходит под нужды пожилого человека; у поставщика пропадает мотивация в повышении качества жизни подопечного. Кроме того, это сказывается на репутации, так как существует очень негативный информационный фон с отъемом квартир у стариков».

Неокрепшее сотрудничество

В целом, согласно экспертам, по качеству услуг и условиям проживания все дома престарелых бывают очень разными, независимо от того, государственные они или частные. «Есть такие, где ходячий сляжет, есть такие, где лежащий встанет, – это не преувеличение, – отметила Кузьмичева. – Все зависит от людей, которые там работают, хотя от финансирования и «контингента», конечно, тоже. Администрация бывает более или менее талантливая. Кто-то крепкий хозяйственник, но если бабушка сломала шейку бедра, ему в голову не придет ставить ее на ноги. Бывают учреждения откровенно бедные, но чистые, и мою знакомую бабушку как раз в таком на ноги после перелома шейки бедра в неполные 90 лет поставили. Где-то с колясочниками гуляют, а где-то, если человек не может сам пересестись из кровати в коляску, будет сидеть в палате годами и даже в коридор не выберется. В общем, все очень индивидуально, и даже в пределах одного дома может быть очень разная ситуация в разных отделениях».

В сентябре Совет при правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере предложил создать систему долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами. Речь идет не только о стационарном обслуживании, но и о помощи тем, кому она необходима на дому. Пилотный проект работает только в шести регионах (Рязанская, Новгородская, Волгоградская, Костромская, Тверская и Псковская области). При этом каждая из областей имеет собственную модель и программу. Что из этого получится, пока непонятно.

«Позитивно, что вопросом качества услуг в этой сфере и мировыми стандартами ухода за пожилыми людьми стали интересоваться в том числе на государственном уровне, – отметил Сиднев. – О создании новых единых стандартов качества в этой сфере много говорили на последнем заседании совета под руководством вице-премьера Ольги Голодец, которое недавно проходило в центре гериатрического ухода и восстановления «Малаховка». Хотя в целом понимание нашим обществом того, какой должна быть качественная старость, отстает от мировых практик лет на 30. У нас только сейчас начинает формироваться запрос на качественную старость».

Немногие знают, что принятый в 2013 году федеральный закон № 442 «Об основах социального обслуживания в России» дал пожилым людям выбор – получать услуги от государства или бизнеса. Уточнить условия получения субсидии можно, обратившись в конкретный частный дом. Однако право работать с бюджетным финансированием имеют только дома, добровольно вошедшие в официальный реестр.

Впрочем, даже не все легальные игроки соглашаются работать с властями. «Удивительно, но сотрудничество с государством не всегда гарантирует высокое качество, – пояснил Сиднев. – Пока нет единых требований и стандартов, это качество сложно определить, в том числе и государству, которое покупает услуги на рынке». Тем не менее такое сотрудничество эксперт считает выгодным: «Поскольку этот бизнес является низкомаржинальным, именно работа по схеме государственно-частного партнерства (ГЧП) делает эту нишу привлекательной для предпринимателей и инвесторов. К примеру, в Москве коммерческий пансион для пожилых может выйти на окупаемость в среднем за 15 лет. Применение ГЧП позволяет сократить этот срок до 7 лет. В регионах же выйти на окупаемость без ГЧП вообще практически невозможно».

Есть и иной способ сотрудничества с государством – инвестиции в создание новой инфраструктуры. Однако он более сложен, поскольку государство должно определить, как оно поможет инвестору вернуть вложенные инвестиции. Примеров успешных проектов ГЧП, по словам Сиднева, единицы.

В результате рынок хоть и растет в среднем на 30% в год, но, как признался эксперт, в основном за счет «серых» игроков, которые предоставляют услуги по низким ценам, зачастую ненадлежащего качества и с нарушением различных норм. «И это дискредитирует рынок в целом – компаниям, предоставляющим качественные услуги, сложно заслужить доверие», – отметил Сиднев.

Причин, почему пожилые люди не идут к легальным игрокам, воспользовавшись государственной субсидией, несколько. Во-первых, по словам Сиднева, государство сделало сбор документов для получения направления в частный центр достаточно сложным. Зачастую в таком деле без помощи юриста не обойтись. «Во-вторых, органы соцзащиты боятся конкуренции со стороны негосударственных поставщиков и отговаривают пожилых людей от обращения к «частникам», – сказал он. – В результате – слабая информированность пожилых людей о существовании возможности выбора частного поставщика».

Перспективный рост

«О существовании частных услуг по уходу за людьми преклонного возраста, согласно опросам, знают 30%, об услугах частных патронажных служб – только 21% россиян, – рассказал Смирнов из НАФИ. – 63% опрошенных, не имеющих пожилых родственников, требующих постоянного ухода, предпочли бы для себя и близких уход родственников на дому. Каждый десятый выбрал бы услуги надомных сиделок (10%). Услуги стационаров были бы востребованы у 9%, при этом государственные стационары (интернаты) по уходу за пожилыми людьми предпочитают частным (6% против 3%)».

Однако из тех, кто имеет пожилых, нуждающихся в уходе родственников, потенциально каждая десятая семья (11%) готова в будущем обратиться за услугами частных учреждений, утверждает Смирнов. «Основные причины, по которым наши сограждане готовы рассматривать услуги коммерческих стационаров, вынужденные: отсутствие возможности осуществлять постоянный уход самостоятельно, болезнь или отсутствие близких родственников, – отметил он. – Неготовность пользоваться частными патронажными сервисами продиктована прежде всего чувством семейного долга, недоверием к посторонним

людям, а также возможностью самостоятельно ухаживать за своими пожилыми родственниками».

Причина непопулярности домов престарелых, по мнению Смирнова, кроется в том, что исторически в России их не существовало. Создание же новых требует значительных вложений и большого доверия от клиента. Тем не менее почти в каждой третьей семье есть люди преклонного возраста, кому требуется постоянный уход и забота (30%). «Наиболее остро данная проблема стоит для жителей небольших городов, поселков и сел (35–40%)», – сказал он. Именно эта растущая потребность вселяет оптимизм в бизнесменов данной сферы. По данным НП «Мир старшего поколения», сегодня в учреждениях долгосрочного ухода нуждается порядка 630 тыс. человек. «Этот показатель будет только расти и через 10 лет достигнет цифры 1 млн», – считает Сиднев.

Ничего постыдного

В развитых странах люди, как правило, не видят ничего постыдного в том, чтобы отдать своего пожилого родственника в дом престарелых. Общеизвестно, что там ему смогут обеспечить и достойный уход, и полноценный досуг, и чаще всего лучше, чем в домашних условиях. В таких местах старики обретают новых друзей и даже играют свадьбы.

Однако как и в России, в США и Европе это тоже дорогое удовольствие. При том, что в США есть только платные дома престарелых. И только в случае, когда пожилой человек уже отдал все свое имущество, но вырученных средств все равно недостаточно, государство оплачивает разницу. В Европе власти обычно компенсируют медицинские услуги и санитарный уход, питание и проживание – за свой счет. Поэтому люди заранее начинают откладывать себе «на старость». Условия, как правило, гостиничные – никаких общественных палат с рядами койко-мест.

«За рубежом к этой системе относятся гораздо позитивнее просто потому, что она существует там достаточно давно и люди привыкли к этому, приняли, что старость может быть разная, и не всегда пожилому человеку стоит оставаться дома, – отметил Сиднев. – Система отличается от страны к стране, где-то этих различий больше, где-то меньше. Интересен опыт Франции. Там действует система софинансирования проживания пожилых людей в специализированных учреждениях. Это работает следующим образом: медицинские услуги остаются в ведении страховой медицинской компании, необходимый уход оплачивает государство, а питание, проживание и дополнительный комфорт – семья. Внедрение такой системы в России позволило бы семьям со средним достатком пользоваться услугами пансионатов высокого качества».

Европейцы победнее иногда создают собственные объединения, которые добиваются субсидий, освобождения от местных налогов, занимаются привлечением волонтеров. В результате высокую стоимость удается существенно снизить. Но такие центры, как правило, являются исключительно социальными, и получать квалифицированную медицинскую помощь, если есть такая необходимость, невозможно.

А правительство Японии, которая известна всему миру своими долгожителями, придумало устраивать своих граждан в дома престарелых в Южной Азии – во Вьетнаме или Таиланде.

Просто потому, что они гораздо дешевле японских. Впрочем, этим пользуются и в западных странах. Например, немцы или австрийцы часто выбирают более дешевые пансионаты Словении или Чехии.